

Е.О. Подолько
МИД РФ

Китайский фактор в современных международных отношениях

1. Расцвет Поднебесной

Стремительное вхождение Китая в группу влиятельнейших игроков мировой политической арены вызывает пристальное и заинтересованное внимание государственных и политических деятелей, ученых и широкой общественности. Резко возросшее количество публикаций (как в СМИ, так и в научной литературе) дает все основания считать, что на протяжении последних лет политическое и экономическое развитие Китая стало одной из самых обсуждаемых тем и в прессе, и в международных политических и научных кругах. Очевидно, что в основе все возрастающего внимания к китайской действительности лежат попытки выявить вектор движения и тенденции развития международных отношений в современном мире, прояснить характеристику глубинных политико-экономических процессов. Политики, ученые и журналисты пытаются разобраться в непростых ситуациях, определенных новым позиционированием КНР на международной арене, ответить на целый ряд серьезнейших вопросов, связанных в первую очередь с возможными глобальными последствиями усиления роли и места Китая в мире. В этом контексте отнюдь не случайным выглядит призыв известного итальянского политолога Доменико Физикелла, сформулированный в завершающей новое издание его книги «Политическая наука» фразе, и призыв этот разделяется практически всеми, кто так или иначе причастен к китайской тематике: «Необходимо обратить свой пристальный взор на Китай, необходимо внимательно следить за его преобразованием и за его местом на международной арене» [28, р. 435].

Наряду со стремлением к взвешенности и аргументированности оценок выдвинувшейся на передний план проблемы Китая, в журналистских, научных и политических кругах наблюдается и некоторое смятение, вызванное неоднозначностью и во многом неопределенностью китайского фактора в современной действительности. Об этом свидетельствуют хотя бы

© Подолько Е.О., 2007

такие формулировки, встречающиеся на страницах публикаций по китайской теме, как «Китайская головоломка», «Пробуждение дракона» («The dragon awakes»), «Большая шахматная доска» («A grand chessboard»). Какую роль в игре на этом шахматном, а значит, во многом непредсказуемом пространстве готовы отвести Китаю главные игроки и в каком качестве видит себя в этой игре сам Китай – от ответа на эти вопросы зависят контуры складывающегося миропорядка XXI в.

2. Китай: новые рубежи

Особый интерес к китайской теме закономерен: он определяется, в частности, наглядностью стремительного экономического роста Китая, который по историческим меркам еще совсем недавно был отсталой, полукOLONиальной мировой периферией. Китай постепенно входит в группу политических лидеров современного международного порядка и оказывает на него влияние благодаря быстрому росту экономического потенциала, статуса (со всеми оговорками) мощной военной державы, обладающей третьим в мире по мощности ядерным потенциалом, а также из-за колоссальной численности населения (статистика свидетельствует: в Китае проживает более 21% населения планеты; см. подробнее [25]), что способно в перспективе обеспечить Китаю существенное влияние на глобальные политические и экономические процессы. Согласно данным исследования «Рэнд корпорейшн», к 2015 г. Китай сравняется с США по объему ВВП, а военный потенциал КНР составит почти половину американского, намного превосходя по этому показателю другие развитые страны (см. [36]). Существуют и другие оценки возможностей динамики экономического роста Китая¹, по которым – в некоторых случаях – достижение Китаем уровня США произойдет к 2010 (см. [2]), 2020 или 2040 г., но в целом мнения экспертов сходятся в признании впечатляющих темпов движения китайской экономики.

В настоящее время КНР представляет собой быстро развивающееся государство, стабильно демонстрирующее на протяжении последних десятилетий высокие, составляющие более 9% в год темпы роста своего экономического потенциала (по величине ВВП КНР в 2005 г. вышла на четвертое место в мире, пропустив по этому показателю вперед только США, Японию и Германию), нацеленное на решение насущных социальных задач, повышающее уровень и качество жизни своего населения, идущее на ломку догм и принципов, когда они перестают служить интересам прогресса и развития страны. Конечно, в жизни Китая есть немало серьезных проблем, но эти проблемы порождены не низкой эффективностью социально-экономического устройства, отсталостью системы управления, а представляют собой проблемы роста.

Не менее впечатляющие результаты достигнуты КНР и в области международных отношений. Китай по праву занимает место в Совете Безопасности ООН, является активным участником всех международных инициатив, направленных на решение сложных глобальных проблем, недопущение распространения по миру оружия массового уничтожения, борьбу с новыми угрозами человечеству – международным терроризмом, опасностью

экологической катастрофы. Велика роль КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в котором живет больше половины населения мира, расположено больше всего держав, обладающих оружием массового уничтожения, где самая высокая динамика развития и который, несомненно, является в настоящее время одним из основных центров мирового соперничества и конкуренции за рынки и ресурсы. Все большую конструктивную роль играет Китай в регионе Центральной Азии, он один из организаторов и наиболее активных участников Шанхайской организации сотрудничества. По нарастающей развивается его экономическое и политическое взаимодействие со странами Европейского союза. В последние годы резко активизировались отношения КНР с развивающимися странами, начало которым было положено в 50–60-е годы XX в., когда распадалась мировая колониальная система и появлялись новые независимые государства.

Несомненно, самыми значимыми для Китая являются отношения с Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией; соизмеряясь с ними, их интересами, он и выстраивает свою политику. США – один из крупнейших экономических партнеров Китая. В последние годы резко возросли темпы торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией (в 2005 г. рост составил 37%), и резервы в этом направлении у двух граничащих между собой государств поистине безграничны [16].

Успехи, достигнутые Китаем в области международных отношений, вне всякого сомнения, во многом являются следствием его значительных экономических достижений. Но эти достижения не были бы столь впечатляющими без активной роли китайской внешней политики, китайской дипломатии, умело действовавшей в биполярном конфронтационном мире и продолжающей умело действовать в нынешних условиях, прилагающей усилия для экономического подъема страны и превращения КНР в мощное, процветающее, высокоразвитое современное государство, пользующееся влиянием в мире.

КНР вступила на международную арену в условиях, когда мир был расколот на две антагонистические системы, центрами которых были Советский Союз и Соединенные Штаты Америки. Китай занял тогда позицию рядом с СССР, приняв участие в международной конфронтации. Затем был длительный дрейф, небезболезненный выход из сферы советского влияния, поиск своего места в мировой политике. В настоящее время руководство Китая проводит политику равноправного, взаимовыгодного сотрудничества со всеми государствами мира, независимо от их социально-политического устройства, является одним из инициаторов и наиболее активных борцов за многополярный мир.

3. Китай и процесс глобализации

Проблема глобализации является, безусловно, важнейшей составляющей в разработке современной китайской внешнеполитической стратегии. Концепция глобализации, выдвинувшаяся в последние годы на передний план теоретических исследований и занимающая особое место в рамках

практической дипломатии, вначале отвергалась китайскими теоретиками как несостоятельная. Но к середине 90-х годов она перестала игнорироваться Китаем и нашла свое место в китайской системе воззрений на построение «нового мирового порядка». По мнению ряда экспертов, «Китай достаточно эффективно и комплексно адаптируется к процессу глобализации, более того, стремится влиять на этот процесс, на его содержание и формы, пытается воспользоваться глобализацией как шансом для интеграции в мировую экономику, завоевания емких рынков для китайских товаров, освоения передовых методов управления современной экономикой и приобщения к новым технологиям» [22, с. 6–7]. Таким образом, можно считать главной новой компонентой стратегии современного (после прихода к власти нового руководства КНР во главе с Ху Цзиньтао) этапа развития Китая ставку на глобализацию китайской экономики в качестве фундаментальной предпосылки для последовательного, стабильного развития страны.

Принципиальное отличие китайского восприятия глобализации от традиционной трактовки этого явления как совокупности поистине планетарных процессов, являющихся порождением научно-технической, информационной и коммуникационной революций и охватывающих практически все сферы экономики, политики, культуры, психологии человечества, состоит в том, что Пекин безоговорочно признает только ее экономическую составляющую. В китайской политической и экономической науке широко распространена точка зрения, что экономическая глобализация является объективным процессом постепенного слияния экономик отдельных стран в мировую и эта тенденция к экономической глобализации необратима. Такова же и официальная оценка, высказанная МИД КНР [1, с. 414].

Позитивное отношение китайского руководства к экономической глобализации неслучайно, поскольку своими значительными экономическими успехами КНР в существенной мере обязана именно глобализации и приходу ТНК, привлекаемых дешевой и изобилием трудовых ресурсов Китая. Среди китайских исследователей все более распространенной является положительная оценка места и роли глобализации для Китая: Ба Цзиньсинь, автор работы «Стратегия развития Китая, основанная на “выходе за границу”», например, считает, что «с тех пор, как в 90-е годы всемирно известные ТНК развернули в Китае стратегическую инвестиционную активность, постепенно включили Китай в цепочку производства добавленной стоимости и предпринимательскую сеть, обрабатывающая промышленность Китая стала заметным явлением в мировой экономике. Стремительное развитие обрабатывающей промышленности в Китае является результатом экономической глобализации... В процессе экономической глобализации, в котором ведущая роль принадлежит транснациональным корпорациям, место Китая в международном разделении труда в основном зависит от иностранного капитала... Глобализация предоставила Китаю возможность еще лучше использовать свои внутренние и внешние ресурсы. С одной стороны, можно привлекать больше капиталов, технологий и передовых методов управления, с другой – можно осуществлять „выход за границу“, участвовать в транснациональных инвестициях, использовать зарубежные ресурсы» [6, с. 140–141].

Соответственно, активное участие в экономической глобализации является не только стратегическим выбором Китая, но и необходимым или вынужденным шагом, продиктованным той ролью, которую он занимает в настоящее время в международном разделении труда.

Как отмечают авторы очерка о внешней политике КНР в юбилейном издании, посвященном 55-й годовщине существования этого государства, «китайские политологи практически отождествляют глобализацию как таковую с ее экономической составляющей. Однако тем самым они очерчивают рамки и ставят пределы целесообразности глобализационных процессов, полагая, что глобализация может быть полезна в экономике, но неприемлема в политике и общественных отношениях, где она несет угрозу независимости и суверенитету стран, менее подготовленных для подсоединения к ней «на равных». Одно из наиболее нежелательных последствий глобализации усматривается в дальнейшем углублении разрыва между уровнями экономического развития государств богатого «Севера» и бедного «Юга» [9, с. 256].

Но есть свидетельства и того, что многие китайские специалисты по проблемам глобализации не сводят ее только к экономике, а считают, что она затрагивает и другие аспекты жизни гражданского общества, включая политику, мораль, образование, экологию, право, вопросы обороны и безопасности и т.д. В обоснование своего мнения они приводят тот факт, что в течение 18 лет реформ, с 1980 по 1998 г., Китай ратифицировал 177 международных соглашений об экономическом, политическом и культурном сотрудничестве и является участником всех соответствующих международных организаций (см. [22, с. 8, 10]). В последние годы активность Китая в сфере международных отношений еще более усилилась.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что демонстративное неприятие Пекином политической составляющей глобализации в ее нынешнем проявлении вовсе не исключает его стремления к получению максимальных политических дивидендов от самого этого явления. Решительное осуждение Китаем эксплуатации богатым «Севером» бедного «Юга» помогает его претензиям на роль лидера развивающихся стран, которые он демонстрирует с 50-х годов прошлого столетия. Кроме того, широкое присутствие в Китае ТНК, имеющих американскую, японскую и западноевропейскую родословную, а также свыше 3 млн. совместных или иностранных предприятий делает их мощным прокитайским лобби, которое достаточно успешно отстаивает позиции КНР не только по торговле, но и по правам человека, проблеме Тибета, продаже вооружений Тайваню и многим другим далеко не экономическим вопросам [11, с. 22]. Широкое присутствие в Китае зарубежного, особенно американского капитала, несомненно, способствовало после 15 лет переговоров принятию в конце 2001 г. Китая в ВТО на весьма благоприятных условиях.

Необходимо отметить, что «растущий» Китай из-за своей величины (географической, демографической и экономической) сам по себе представляет «глобальный вызов», в том числе и с политической точки зрения. Отсюда – изменяющееся глобальное позиционирование КНР.

4. Современная внешнеполитическая доктрина Китая – сочетание старых и новых подходов

Целенаправленность, динамизм, последовательность (при, возможно, кажущихся противоречиях изменения внешнеполитического курса на разных этапах развития страны, на самом деле являющихся проявлением политической гибкости) – так можно охарактеризовать китайскую внешнюю политику. Внешнеполитическая доктрина КНР находится на протяжении десятилетий в состоянии постоянного обновления. В ней сочетаются старое и новое видение китайским руководством мира и места, которое Китай настойчиво завоевывает в этом мире.

Старые подходы выражаются в том, что мир, согласно традиционному китайскому пониманию, воспринимается как потенциально враждебный, хотя – в отличие от маоистского периода – и не несущий непосредственной военной угрозы безопасности страны. В китайских внешнеполитических концепциях просматривается факт осознания американского стремления к глобальному доминированию, а также, хотя и в меньшей степени, внимательного и осторожного отношения к тенденции локального доминирования «больших стран» – России, Японии, Индии. Отсюда – внешнеполитические приоритеты Китая. Они предусматривают, во-первых, обеспечение благоприятных международных условий для проведения китайских реформ и политики открытости (имеется в виду поддержание мирных отношений с глобальными лидерами и нормализация отношений с ближайшими соседями), и, во-вторых, образ действий на основе компромисса, говоря словами Дэн Сяопина, «спрятать голову в ножны и воспитывать в себе униженность», – чтобы выиграть время, накопить «комплексную государственную мощь» и уже затем претендовать на роль мирового лидера (см. подробнее [8]).

Новые элементы в представлениях китайского руководства о мире стали активно формироваться в последние годы, после того как в 1999 г. КПК сосредоточилась на разработке стратегии участия страны в экономической и политической глобализации. Экономической стратегии, направленной на полновесную интеграцию Китая в глобальную экономику, соответствует и новый внешнеполитический курс. Его суть состоит в выстраивании партнерских стратегических отношений с США как единственной сверхдержавой и в повышении глобальной и региональной роли Китая при помощи механизмов многосторонней дипломатии.

Соотношение старых и новых установок в формировании внешнеполитической доктрины нашло отражение в решениях XVI съезда КПК. Пекин, с одной стороны, подтвердил готовность по-новому подходить к международным отношениям и строить их на основе партнерства с мировыми центрами силы, а не в противодействии им, объявил мир и развитие «лейтмотивом современной эпохи», охарактеризовав внешнюю обстановку как благоприятную для развития китайских реформ. С другой стороны, на съезде были озвучены тезисы, уходящие корнями в недавнее прошлое,

когда Китай стремился взять на себя роль лидера развивающихся стран в борьбе с международным гегемонизмом. Съезд охарактеризовал современный международный политический и экономический порядок как «несправедливый» и «не изменившийся в корне». В этом контексте он дал вторую, в каком-то смысле противоречащую только что приведенной, характеристику современного мира как «очень беспокойного», создающего человечеству «многообразные суровые вызовы». К последним наряду с терроризмом отнесено появление «новых форм гегемонизма в политике» (с намеком на США), а также «локальные конфликты на основе национально-религиозных противоречий», приграничные и территориальные споры, разница в уровне развития Севера и Юга. Ратуя за демократизацию международных отношений, съезд вместе с тем не предложил новой модели мироустройства. Были повторены известные китайские тезисы о том, что под «демократизацией и справедливостью» в международных отношениях понимается, во-первых, сохранение многообразия мира и множественности моделей развития стран; во-вторых, решение политических проблем и проблем безопасности через консультации, без применения оружия и угроз его применения; в-третьих, экономическое сотрудничество, совместное развитие и взаимное цивилизационное и культурное обогащение; в-четвертых, принцип, согласно которому «дела каждой страны решаются ее собственным народом», а «дела планеты – на основе равноправных консультаций всех стран».

Новые и старые подходы китайского руководства к внешней политике проявляются в отношениях с США, основой которых по-прежнему является симбиоз взаимных опасений и взаимной выгоды. Китай усматривает угрозу своим интересам в американском военном присутствии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, осуществляемом согласно представлениям Вашингтона о КНР как о главном американском противнике в регионе. США видят в Китае нового, в скором будущем глобального конкурента, не оставившего пока идеи коммунистической ортодоксии и наращивающего военную и экономическую мощь в интересах, как считает ряд американских аналитиков и политиков, ослабления мировых позиций США. Генри Киссинджер, например, заявил не так давно о том, что «истинные намерения Китая станут ясны тогда, когда он встанет перед выбором между сотрудничеством в общих интересах и попыткой использовать свое возросшее влияние для выдавливания Америки из Азии» [5].

Вместе с тем ни Китай, ни Соединенные Штаты не рассматривают друг друга в качестве прямой военной угрозы. С другой стороны, США, на которые приходится, по данным статистики, около четверти китайской торговли и трети иностранных инвестиций в Китай, играют решающую роль в осуществлении китайской модернизации. Пекин прекрасно понимает, что без нормальных отношений с Вашингтоном поддерживать высокие темпы экономического роста невозможно. США, в свою очередь, имеют значительную деловую заинтересованность в Китае, в основе которой лежат крупные инвестиционные вливания, осуществляемые ведущими американскими транснациональными корпорациями. В стратегическом плане Вашингтон рассчитывает на постепенную трансформа-

цию китайской политической системы в демократическом направлении на основе маркетизации и глобализации экономики и вовлечения Китая в мировое рыночное и информационное пространство.

При всем очевидном и скрытом соперничестве между реально существующей сверхдержавой США и восходящей мировой державой Китаем обеим сторонам совершенно ясна их взаимная, все возрастающая экономическая зависимость. И эта зависимость заставляет Вашингтон и Пекин придерживаться прагматического взгляда на вещи.

Все это реально проявляется в нынешней внешней политике Китая – реалистичной, амбициозной и, исходя из все возрастающей роли Китая в мире, умело использующей старые и новые подходы для осуществления своей главной стратегической цели. Таким образом, можно сказать, что успехи Китая в процессе становления как сильного игрока на мировой арене достигнуты не вопреки конъюнктурным изменениям доминант своих внешнеполитических установок, а благодаря этим изменениям.

Концепции внешней политики Китая претерпевали на протяжении времени необходимые изменения, диктуемые особенностями исторического момента. Следует отметить, что все китайские внешнеполитические концепции, при внимательном анализе, образуют логически объяснимую с исторической и прагматической точки зрения последовательность установок, не выходящих из руслу главной стратегической цели, внутренне не противоречивых (как могло бы показаться на первый взгляд), а практически дополняющих друг друга. В этом смысле внешнюю политику КНР, а также лежащие в ее основе концепции необходимо рассматривать – ввиду неизменности национальных приоритетов Китая – не как колебания долгосрочной стратегической линии, а как последовательную ее реализацию с необходимыми модификациями в тот или иной период в зависимости от условий, складывавшихся во внутренней и международной обстановке. Другими словами, изменения, происходившие во внешней политике КНР, представляли собой никак не блуждание в лабиринте, а осознанные политические действия, определенные подчинением внешней политики КНР проведению главной национальной цели страны (определить и утвердить свое место на мировой арене, максимально обеспечить безопасность страны, создать благоприятные условия для своего развития, добиться статуса развитого, мощного, обладающего влиянием на мировой арене государства).

Неизменность внешнеполитической доктрины, подчиненной идее реализации главной национальной цели – превращению страны в сильную, процветающую мировую державу, пользующуюся авторитетом и влиянием на международной арене, – основывалась, как становится очевидным, на резонном отказе – в необходимый момент – от сверхдогматических положений и на удачной своевременной разработке и инструментализации внешнеполитических концепций, каждая из которых формулировалась в свое время и своевременно уступала место новой, скорректированной и актуализированной (таких, как «держаться одной стороны», концепции «двух лагерей», «промежуточных зон» и «трех миров», «единого фронта», а затем стратегии «мира и развития», «совместного развития», «единого мира», «мирного

возвышения Китая» и, наконец, широкой концепции построения «гармоничного мира», выдвинутой Ху Цзиньтао в сентябре 2005 г. и включающей в себя как понятие «многополярности», так и идею «мира, развития и сотрудничества»), которые в своей совокупности образуют не разрозненные элементы, а крепко спаянные звенья одной цепи, обеспечивающие поступательное развитие страны в строгом соответствии с ее национальными интересами.

5. Китайский вариант трактовки понятия «национальный интерес»

Естественным образом, понятие эволюции концепций внешней политики вбирает в себя и неразрывно связано с понятием «национальный интерес». Таким образом, вопрос «национального интереса», соотношенный с внешней политикой Китая, предоставляет возможность раскрытия особенностей китайской внешней политики. Собственно, иного подхода и быть не может: внешняя политика того или иного государства определяется множеством детерминант, включая уровень социально-экономического и общественно-политического развития, географическое положение страны, ее национально-исторические традиции, цели и потребности обеспечения суверенитета и безопасности и т.д., которые, в переложении на внешнюю политику, фокусируются именно в национальном интересе. Исследователи так и указывают: «Цели внешней политики должны определяться в терминах национального интереса...».

Как свидетельствует история, национальный интерес любого государства является превалирующим фактором внешней политики и главная задача любого государства сводится в конечном счете к защите национального интереса. Обеспечивается национальный интерес всеми имеющимися в распоряжении государства средствами и ресурсами: политическими, идеологическими, экономическими, дипломатическими, военными.

Очевидно, что политическая деятельность есть технология реализации интереса. Геополитика, главным субъектом которой является государство, есть не что иное, как технология достижения государственного прагматического интереса. В связи с тем, что государство, как правило, является выразителем интересов общества, нации, то интерес этот получил соответствующее название *национальный интерес* (в приложении к Китаю налицо ярко выраженный национально-государственный интерес).

Так как национальный интерес в каждый конкретный момент исторического развития принимает конкретную форму, выражением его и служат проводимые внешнеполитические концепции. Внешняя политика Китая на разных сегментах его исторического пути – это яркий пример воплощения в жизнь национального интереса путем реализации конкретных внешнеполитических концепций, подчиненных главной стратегической цели страны и акцентирующим:

- всемерное укрепление места и роли страны в современном мире,
- защиту целей и приоритетов государства,

- сохранение и обеспечение экономического, политического и военно-политического суверенитета, неприкосновенности границ,
- обозначение регионов и стран, на которые распространяются жизненно важные интересы страны.

Таким образом, «национальный интерес» конфигурируется в КНР в завершенную систему взглядов, целей, потребностей, строго определенную и выверенную позицию государства относительного выбора наилучшего пути развития.

В китайской экономической модели доминирует исключительно национальный интерес. Именно в такой перспективе рассматривается китайским руководством стратегическое партнерство с США и Россией, как, впрочем, и с другими странами.

Можно отметить динамичные и целенаправленные действия китайского высшего руководства по реализации национального интереса, наличие определенного волевого начала при его формулировании, а также успешную мобилизацию средств для реализации поставленных китайским государством целей.

В этой связи показательна, думается, опубликованная на страницах «Le Monde diplomatique» оценка китайского «возвышения»: «Каким бы ни был исход, уже можно определить в качестве доминанты новой китайской политики сверхреализм во имя служения национальному интересу» [30, р. 14–15].

Продуктивность категории «национальный интерес» при рассмотрении концепций внешней политики Китая очевидна. Для любого государства, тем более для России – в силу известных обстоятельств, – понимание и внимательный анализ национальных интересов Китая являются важной предпосылкой для четкого определения стратегии развития в XXI в.

Как отмечал в свое время госсекретарь США Дж. Хей, «мир на земле опирается на Китай. Кто понимает Китай с точки зрения социальной, политической, экономической, религиозной, тот держит ключ к мировой политике на следующие пять столетий» (цит. по [4]).

6. Преемственность и инновационная суть нынешней концепции внешней политики Китая

Политическая составляющая нынешней внешнеполитической концепции Китая неразрывно связана с экономической составляющей. Так как в Китае успешно задействованы средства для обеспечения ускоренного роста экономики, т.е. рыночные реформы и включенность в процессы глобализации, можно достаточно определенно считать ближайшим ориентиром для китайской экономики и политики 2020 год. К этому времени китайским руководством намечено всестороннее построение общества *сяокан*, или достижение уровня среднеразвитых стран (см. [33]). Следующим рубежом, вероятно, должна стать середина века, когда исполнится сотая годовщина основания Китайской Народной Республики. К этому

моменту должна быть завершена модернизация страны, и она в полной мере станет глобальной державой, возможно самой мощной на планете. Содержание большой китайской стратегии на первый двадцатилетний период относительно детально рассмотрено и в документах КПК, и в работах китайских ученых. Дан достаточно обстоятельный анализ проблем и возможных рисков в связи с развитием страны в этот период [21]. Безусловно, нельзя исключить возможность определенных кризисных явлений в разных сферах жизни китайского общества, которые могут замедлить (но, наверное, не остановить) рост совокупной национальной мощи. Кроме этого, конкретные ритмы модернизации Китая зависят не только от темпов роста экономики и совокупной национальной мощи, но и от целого ряда внешних факторов, в том числе от темпов роста экономик его конкурентов-партнеров.

Мнения экспертов по данной проблеме весьма неоднозначны: наряду с положительными прогнозами (включая уверенность в том, что намеченные на 2020 г. показатели будут превзойдены намного быстрее) существует целый ряд достаточно осторожных и даже скептических мнений по поводу китайского экономического роста.

Бесспорно лишь одно: для достижения своих целей Китаю нужен прочный и длительный мир. Именно это лежит в основе нынешней внешнеполитической концепции Китая, именно поэтому он будет стремиться, как и сейчас, избегать напряженности в отношениях и со своими соседями, и с Соединенными Штатами, единственной, наверное, державой, которая способна помешать стремительному возвышению Китая.

Таким образом, суть новаций, определяющих содержание нынешней внешнеполитической линии КНР, заключается в следующем:

§ переход от пассивной линии поведения, нацеленной на создание благоприятных внешних условий для внутренних реформ, к активной, призванной превратить Китай в реального участника глобальных трансформаций в экономике, политике, сфере безопасности;

§ переход от политики приоритетности двусторонних связей к многосторонней дипломатии;

§ выстраивание новой линии в отношениях с США, углубление экономического взаимодействия с США;

§ активизация деятельности в основных международных институтах, членом которых Китай уже является (ООН, ВТО и т.д.), и выстраивание диалога с важнейшими мировыми структурами: «Большой семеркой/восьмеркой», НАТО, ЕС (напрямую и через механизм АСЕМ) и др.;

§ наращивание активности на региональных направлениях: в Северо-Восточной Азии, Центральной Азии, Юго-Восточной Азии, Африке, Латинской Америке;

§ продолжение политики, нацеленной на обеспечение мира и добрососедства с соседями (Россией, Японией, Индией и др.). Большой, чем прежде, акцент на экономическом сотрудничестве как основе мира с соседями – вслед за возросшими экономическими возможностями Китая;

§ активизация роли Китая в региональных политических форумах (ШОС и др.);

§ активная и часто агрессивная защита интересов Китая, китайского бизнеса и китайских граждан за рубежом.

Данная концепция определяет ту новую роль, которую КНР намерена играть на международной сцене. Китай выступает как крупная держава, набирающая вес в международных отношениях, которая всеми своими действиями выражает стремление к тому, чтобы играть лидирующую роль в мире. Тем не менее до сих пор Китай не окончательно уяснил для себя реакцию мирового сообщества на собственный стремительный взлет, а потому и действует хоть и с возрастающей жесткостью, но весьма осторожно. Китай ищет равноправного сотрудничества с Западом в поддержании глобальной и региональной стабильности, но не готов лишиться торговых преимуществ, предоставляемых ему как «развивающемуся государству».

Большая политическая стратегия Китая направлена на обеспечение национального интереса путем интеграции проводимой страной международной и внутренней политики в рамках единого, унитарного комплекса действий, что еще более усиливается национальным консенсусом. Б.Г. Лиделл Харт, известный английский историк, указывал, что отличительной чертой «большой стратегии» является «корреляция целей и средств во всеобъемлющем контексте», что достаточно ярко просматривается на примере Китая.

Что касается выработки новой, последующей концепции, необходимо заметить, что китайским политическим лидерам всегда была присуща способность, как говорил, апеллируя к народной пословице, Дэн Сяо Пин, «переходить реку, нащупывая под ногой камни», умение решать назревшие вопросы поэтапно, поступательно – так, как это продемонстрировала своевременная замена одной концепции внешней политики на другую. Очевидно, что при достижении намеченной цели будет сформулирована новая концепция, учитывающая соответствующие обстоятельства. Во всяком случае, представляется, что Китай изберет и в дальнейшем соответствующую его интересам стратегическую линию, которая в формулировке, вполне применимой к Китаю, может быть выражена так: «Не обниматься и не ссориться ни с кем, брать у каждого то, что необходимо, и четко определять узкую сферу коренных интересов, ради которых стоит идти на обострение с внешним миром, – такой прагматический курс крайне необходим сегодня» [12].

7. Национализм в арсенале мобилизующей политики

Если оценивать феномен национализма с точки зрения политической науки, связывающей его с консолидацией национального самосознания народа, осознанием общенациональных интересов, и абстрагироваться от чисто этнических аспектов проблемы, то следует признать положительный

для Китая эффект усиления националистических воззрений, обеспечивший для КПК в свое время революционно-мобилизационную составную, а на нынешнем этапе развития Китая позволивший успешно проводить политику, направленную на обеспечение единства китайского населения и стабильности в общественно-политической жизни, поступательного движения страны по пути обретения влияния на международной арене.

Вместе с тем исследователи – как западные, так и китайские – отмечают определенное усиление той ветви национализма, которая эксплуатирует антиамериканские, антизападные настроения. Националисты этого течения призывают к укреплению военно-экономической мощи Китая, жесткости в отношениях с Западом, повышенному вниманию к безопасности государства и его защите от иностранной зависимости. Некоторые китайские ученые отмечают, что, «как и на Западе, национализм в Китае – это продукт современности, точнее говоря, модернизированный продукт. Однако в отличие от Запада, где национализм естественным образом появился и развился в ходе модернизации западных наций, китайский национализм вынужденно формировался в ходе взаимоотношений и столкновений Китая и Запада» [23, с. 111]. В данном случае националисты выступают против полной открытости внешнему миру – за умеренную открытость, за защиту экономического суверенитета своей страны, ставя акцент на специфике Китая как в плане экономическом, так и в политическом и духовном. С учетом особенностей природы общества и масштабов экономики в Китае большинство националистов считают, что главное в развитии страны – опора на внутренние возможности, а использование внешних факторов рассматривают как нечто вспомогательное (необходимо отметить, что в китайских политических кругах весьма популярны разговоры о «воссоединении» с Тайванем и угрожающие заявления в адрес Японии, что приводит к периодическим всплескам националистических настроений в стране).

Очевидно, что при разработке и реализации современной концепции внешней политики Китая руководство КНР не может не принимать во внимание наблюдаемые тенденции. Безусловно, фактор национализма важен для китайского руководства. Этот фактор, эксплуатирующий патриотизм, лояльность населения, чувство национальной гордости, оказывается весьма кстати в условиях ослабления идеологических позиций марксизма, представляя собой необходимую альтернативу, способную объединить страну в период стремительных преобразований. Именно национализм может быть использован, чтобы направить энергию на столь необходимое созидание страны, переводя внимание общественного мнения от сложнейших и неоднозначных внутренних проблем страны на вопросы внешней политики.

8. Азиатско-Тихоокеанский регион во внешнеполитической концепции Китая

Эксперты утверждают: «Сегодня трудно представить себе будущее Азиатско-Тихоокеанского региона, в котором Китаю не была бы отведена все возрастающая роль» [24]. Азиатско-Тихоокеанский регион – это территория растущей активности Китая, здесь происходит своего рода самоутверждение Китая в качестве державы в масштабах всей Евразии, это выход за пределы традиционного влияния, здесь заключен немалый потенциал его роста.

С точки зрения некоторых китайских исследователей большой стратегии Китая, мир в настоящее время переживает переходный этап. На этом этапе единственная сверхдержава сосуществует с рядом сильных держав. Утверждение многополярности предполагает, что дистанция между ними будет сокращаться и число сильных держав возрастет. Затем среди сильных держав выделятся наиболее сильные. Вместе с тем среди последних усилится тенденция к регионализации, формированию мощных регионов².

В соответствии с этой идеей Китай проводит укрепление своих экономических, политических и культурных позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Эти позиции рассматриваются как своего рода плацдарм для превращения Китая из региональной державы, пусть и с глобальным влиянием, в державу мировую. Очевидное повышение лидирующей роли Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, по общепризнанному мнению, рано или поздно будет способствовать стремлению КНР превратиться из державы преимущественно региональной в державу глобальную [20, с. 91].

Многостороннее сотрудничество в этом регионе способствует формированию зоны стратегического продолжения китайской экономики. Характер экономических преобразований в Китае и целенаправленная внешнеполитическая стратегия корректировки правил функционирования мировой системы и формирования значительной зоны тесного взаимодействия КНР со странами АТР и особенно со странами по всему периметру китайских границ, могут существенно изменить (если не трансформировать полностью) систему международных региональных отношений. Понятно, что эта трансформация займет достаточно долгое время и будет обставлена многочисленными «если», однако уже сегодня такая тенденция просматривается довольно отчетливо.

В рамках трансформации региональной системы Китай добивается целого ряда стратегических целей, в том числе:

§ признания мировым сообществом территориальной целостности Китая, включая его права на Тайвань, Тибет, Синьцзян;

§ международного признания «особых» прав КНР в акватории Южно-Китайского моря;

§ распространения преобладающего влияния на Юго-Восточную Азию;

§ приемлемого для Китая решения территориальных вопросов с соседними государствами;

§ обеспечения поддержки соседними государствами позиций КНР в спорах с США и другими странами Запада;

§ обретения де-факто «особого положения» в Центральной Азии;

§ исключения шансов вступления других стран в антикитайские коалиции и военного противостояния с Китаем;

§ навязывания другим странам торгово-инвестиционной политики, благоприятной для Китая;

§ признания странами региона ведущей региональной роли КНР, выражающейся в виде неформальных, но обязательных консультаций с Пекином перед принятием важных внешнеполитических решений;

§ закрепления «особых прав» китайских меньшинств за рубежом и признания права Пекина на их защиту (см. подробнее [7]).

В какой степени приоритеты Китая повлияют на региональный и глобальный уровни международных отношений, остается неясным. В этом заключается суть дискуссий о «новой роли» Пекина, о его «возможном лидерстве». Однако очевидно, что цели Китая гораздо амбициознее целей «простого» регионального лидера.

Многие тенденции в этом плане еще не выкристаллизовались, не до конца прояснены, находятся в процессе становления. Налицо, однако, взвешенное, достаточно реалистическое поведение Китая в отношении регионального сотрудничества, которое открывает для китайской политики новые возможности и перспективы реализации задач экономического строительства и укрепления внешнеполитических позиций. Осознав опасность оказаться в изоляции в АТР, принимая во внимание объективный характер процессов экономической интеграции и глобализации, китайское руководство в 1980-х годах резко изменило курс в отношении интеграционных процессов в АТР – от негативного их видения до активного в них участия.

В политике китайского руководства по «освоению» интеграционного пространства АТР особое место занимало и занимает участие в АТЭС. В своем выступлении 21 октября 2001 г. перед главами государств и территорий региона, собравшихся на саммит в Шанхае, Цзян Цзэминь, в то время председатель КНР, отметил: «АТЭС явился зачинателем создания модели эффективного сотрудничества, которая гальванизировала рост и процветание в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Сейчас Китай представлен в многочисленных структурах и акциях по линии АТЭС.

В китайской политической и научной элите есть понимание того, что, несмотря на формально консультативный статус, АТЭС проводит разработку региональных правил и норм ведения торговли, инвестиционной, финансовой деятельности – это фактически ведет к созданию материального фундамента нового политического порядка в регионе. Проводя активную политику в АТЭС, китайское руководство считает, что это приносит плоды, способствуя открытию рынков сбыта для китайских товаров, получению источников капитала, укреплению веса и влияния страны как в регионе, так и за его пределами. Интересам Китая отвечает сохранение нынешнего характера АТЭС в качестве консультационной организации,

проводящей встречи на высшем уровне, что объективно способствует повышению его авторитета в качестве одного из основных ее участников.

Китай активно расширяет отношения с АСЕАН. Новое позиционирование АСЕАН как одного из крупных сегментов глобальной экономики усиливает переговорные позиции ассоциации в отношениях с Китаем. Отвечая на «интеграционный вызов АСЕАН», Китай последние годы делает ставку на укрепление доверия и ослабление антикитайских настроений в Юго-Восточной Азии: он присоединился к Договору о дружбе и сотрудничестве в ЮВА; подписанием декларации с АСЕАН об установлении отношений стратегического партнерства позиционировал себя в качестве нового стратегического партнера АСЕАН.

Очевидно возрастание активности Китая в региональных политических форумах. Пекин различает те из них, в которых он может играть «от раза к разу все более активную, но не ведущую роль» (АРФ и АСЕМ), и такие, где его роль может быть главной или второй по значимости после очевидного лидера. К последней группе относится Шанхайская организация сотрудничества, в работе которой Китай является фактически «локомотивом». Однако при всей положительной в целом оценке участия Китая в данной инициативе эксперты склонны полагать, что различия приоритетов, разный уровень развития участников ШОС еще не обеспечивают функционирование высокоэффективной региональной организации, способной оперативно и результативно реагировать на быстро меняющуюся политическую ситуацию в Центральной Азии, на разнообразные угрозы региональной безопасности, на актуальные потребности национального и регионального экономического развития. До сих пор нет окончательной определенности по поводу характера деятельности ШОС, приоритетности ее задач и форм достижения главных целей. Соответственно, позиция Пекина в отношении ШОС меняется в контексте совпадающих и противоречащих друг другу интересов Китая, России и США в Центральной Азии. Можно выделить три основных подхода к будущему этой организации:

а) «антизападный»: ШОС превратится не только в средство борьбы против терроризма, экстремизма и сепаратизма, но и в скрытый ресурс России и Китая для сдерживания США и Запада в Центральной Азии;

б) «конформистский»: ШОС неизбежно превратится в проамериканскую организацию;

в) «кооперативистский»: ШОС перейдет к открытой модели сотрудничества с США и другими организациями Запада как в экономической, так и в военно-политической областях.

В целом можно утверждать, что Китай уделяет особо пристальное внимание ШОС, возлагая на эту организацию определенные надежды. Только в этом году КНР было выделено 900 млн. долл. на создание более благоприятных условий для реализации экспортных операций стран-членов ШОС. В своем выступлении на IV встрече глав государств ШОС, прошедшей в Ташкенте, Председатель КНР Ху Цзиньтао отметил важность реального укрепления сотрудничества между странами, входящими в эту организацию, а также указал на необходимость поиска путей развития

самих стран–членов ШОС в условиях мира, взаимодополняемости экономик и наличия богатых природных ресурсов.

9. Китай между Россией и США

С конца 1990-х годов китайское руководство стало пересматривать представления о своем месте в мире. Пекин осознал неизбежность перемен и признал необходимость развития тесных отношений с великими державами [10].

На протяжении последних десятилетий Китай стремился к развитию отношений с Соединенными Штатами Америки. Они в равной степени важны как для Пекина, так и для Вашингтона, хотя мотивы такой заинтересованности далеко не идентичны: США с помощью сближения с КНР прежде всего стремились ослабить международные позиции Советского Союза. Китай же, приступавший к проведению радикальных реформ, прежде всего в экономике, надеялся обеспечить себе приток американских капиталовложений и современных технологий. Для Китая прямым следствием этого сближения стал отказ от идеологизации своей внешней политики. Нормализация китайско-американских отношений и признание Соединенными Штатами правительства КНР как единственного законного правительства Китая стали возможными на условиях определенного компромисса по тайваньской проблеме. В целом Китай и США оказались в последние годы связанными друг с другом столь тесно, что возврата к решительному противостоянию не могла себе позволить ни одна из сторон. Однако в этих отношениях достаточно много противоречий. С одной стороны, КНР стремилась подчинить отношения с Соединенными Штатами интересам стабильности и нуждам проводимой модернизации в стране. С другой стороны, Китай считает проводимую Вашингтоном политику главным источником международной и региональной напряженности. Помимо активного торгово-экономического сотрудничества наблюдаются и существенные расхождения по целому ряду важнейших для сторон проблем.

Уже несколько администраций США придерживаются в отношении Китая стратегии «двух направлений»: сотрудничая с ним в сфере торговли и экономики, Вашингтон противодействует Пекину в вопросах безопасности, когда тот «задевает» соседние страны. Отношения не всегда развивались гладко – достаточно вспомнить неудачную затею с введением квот на импорт китайского текстиля или периодические разногласия по внешнеполитическим вопросам. Однако в долгосрочной перспективе эта стратегия идет на пользу обеим странам.

Нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что Китай тоже слишком зависим от Америки, чтобы пойти, допустим, на создание военного союза против США. Примечательно замечание Збигнева Бжезинского по этому поводу: «Китайское руководство не склоняется к вызову Соединенным Штатам Америки в военном плане, и его интерес продолжает сосредотачиваться на экономическом развитии и на вопросе обеспечения восприятия своей страны как великой державы. Китай сосредоточен, чуть ли не заморожен, на

траектории собственного взлета» [27]. А для решения трудностей, возникающих в китайско-американских отношениях, у Китая есть свой рецепт: О/Р, где «О» – это анализ общей обстановки (Overall Situation), а «Р» – дух прагматизма (Pragmatic): «только при анализе общей ситуации и наличии духа прагматизма возможно достичь здорового развития отношений между всеми странами» [32].

Объем товарооборота между Китаем и Америкой примерно в 10 раз превышает товарооборот России с КНР. А есть еще инвестиции, обмен технологиями, обучение китайских студентов в США. Китайские политологи в своих статьях прямо указывают на то, что для КНР самая важная страна – Соединенные Штаты, а Россия на втором месте.

Китайско-российские отношения, подчиняясь определенным законам глобального развития, имеют и свою специфику. Первый и основной фактор – это географическая близость двух государств, что повышает активность двустороннего сотрудничества. Вторым немаловажным фактором является двустороннее обязательство поддерживать региональную стабильность. И третий фактор – сотрудничество в глобальной сфере.

Отношения двух стран определяет сотрудничество в нескольких направлениях. Первое – это энергетика. Китай для России очень выгодный торговый партнер, а Пекин, в свою очередь, с помощью Москвы хочет диверсифицировать географию своих энергетических источников. Второе направление – оборонная сфера. Москва хочет продолжать то сотрудничество в военной сфере, которое сложилось между двумя странами в последние годы [15].

В свое время американский президент Ричард Никсон и его советник Генри Киссинджер использовали противоречия между Пекином и Москвой, что позволяло США играть на конфликтах между двумя коммунистическими странами. Сегодня другой американский президент своими действиями убедил Россию и Китай, что они должны забыть о разногласиях, чтобы надежнее защититься от амбиций американской империи, считает бывший посол Италии в Москве Серджио Романо [18].

Соединенные Штаты уделяют все больше внимания отношениям с Китаем и Россией. По отношению к Китаю США исходят из необходимости проводить политику сдерживания, и примерно то же самое они применяют к России. То есть это недопущения восстановления великодержавного статуса и России и Китая. Не позволить этим странам бросить вызов Соединенным Штатам – вот базовая позиция Америки.

Россия идет по пути развития стратегического партнерства с Китаем. Прагматизм администрации В.В. Путина, проводящей неконфронтационное развитие отношений с Китаем, заинтересованность Москвы в поддержке региональной безопасности остаются неизменными. «Китай слишком большая и слишком важная для России страна, которую нельзя игнорировать» [31].

Председателем Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао и Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным 1 июля 2005 в г. Москве была подписана «Совместная декларация Китайской Народной

Республики и Российской Федерации о международном порядке в XXI веке». Эта декларация продемонстрировала совпадение российской и китайской позиций по основным вопросам современных международных отношений. Мы совместно строим Шанхайскую организацию сотрудничества. Нами достигнут беспрецедентно высокий уровень взаимного доверия. Тем не менее скептики утверждают о наличии определенных проблем в отношениях между нашими странами.

В Пекине, впрочем как и в Москве, существует немало специалистов, заявляющих, что в перспективе Россия обречена стать в том же ШОСе «младшим братом» Китая. Некоторые политологи считают, что Россия для стремительно усиливающегося и прагматичного Китая «является прежде всего ценным источником стратегических ресурсов и военных технологий. Не менее, но и не более того» [3]. По оценкам западных СМИ, одновременно с экономическими достижениями Пекин с 2000 г. вышел на первое место в мире по импорту вооружений. В год Китай закупает военной техники на сумму более чем три миллиарда долларов. Из-за эмбарго западных стран, введенного после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., основную часть этих военных поставок осуществляет Россия. Китай обладает самой крупной в мире армией, которая, несмотря на проводящееся сокращение, будет превышать уровень в два миллиона военнослужащих. Гибельность глобального военного противостояния сегодня признается всеми, в том числе и военно-политическим руководством Китайской Народной Республики. А вот конфликты ограниченного масштаба, по мнению западных специалистов, оно считает неизбежными и связывает их с растущей конкуренцией за источники сырья и сферы влияния. Поэтому и происходит наращивание Китаем своей военной мощи. Что касается военного бюджета страны, официально он оценивается в 30 млрд. долл.; ряд экспертов считают, что эта цифра занижена в два раза, а спецслужбы США оценивают китайский военный бюджет в 90 млрд. долл. (для сравнения: военный бюджет России 2005 г. составил 550 млрд. руб. – около 20 млрд. долл., а на 2006 г. на военные цели будет потрачено 668 млрд. руб., или около 24 млрд. долл.).

Многие эксперты едины в одном – «китайский эшелон движется по „несоветскому пространству“ в соответствии с известным только его машинисту расписанием» [13].

10. Непростой путь Китая к «возвышению»

Путь развития Китая за последние полвека известный китайский экономист Хань Дэцян сравнивает с путешествием на велосипеде через гору: «Сперва 30 лет экономика карабкалась вверх, и было тяжело, а потом покатилась с вершины вниз, и все стало проще». Комментируя это высказывание, было бы уместно, наверное, заметить, что при езде на велосипеде, даже располагая картой намеченного маршрута, очень важно сохранять равновесие, уметь объезжать кочки, не попадать в ямы, вовремя тор-

мозить и не вылететь на обочину. Другими словами, учитывать все факторы нелегкого пути. Заранее предвиденного сценария этого пути не существует. Можно лишь предполагать те трудности, через которые предстоит пройти, вопросы, на которые предстоит ответить, в том числе:

- Как перейти от политики «открытости» к политике «интеграции» в глобализирующиеся рынки. Эту задачу Китай начал решать, вступив в ВТО и инициировав ряд проектов региональной интеграции в Восточной Азии.

- Как перейти от нерыночной государственной экономики к рыночной частнокапиталистической. В решении этой задачи Китай продвинулся наиболее далеко, решительно следуя по пути рыночных реформ.

- Как перейти от партийного авторитаризма и монополии КПК на власть к плюралистической демократии и власти закона и при этом избежать угрозы нового «бюрократического» и «коррупционного» авторитаризма. Здесь Китай только начинает делать первые шаги, не имея, однако, законченного видения политических реформ.

- Как перейти от идеологии коммунизма и «социализма с китайской спецификой» к идейному плюрализму. Здесь ситуация (в условиях информационной глобализации, с одной стороны, и попыток «обогащить» марксизм за счет «теории трех представительств» – с другой) развивается скорее стихийно, чем подконтрольно КПК [14].

Таким образом, целый ряд факторов – как эндогенных, так и экзогенных – может оказать значительное влияние на трансформационные процессы в КНР; при этом каждый из них по-своему располагает собственной степенью влияния и определяет нюансы сценариев развития КНР в целом и китайской внешней политики в частности.

В принципе, «китайское руководство показывает себя рациональным, расчетливым и осознающим не только подъем Китая, но и продолжающуюся слабость страны» [26]. В стране сейчас смешанная экономика, где присутствует традиционная аграрная экономика XVII в. и миллионы и сотни миллионов людей живут в этом самом XVII веке – по образу жизни, а другой ногой Китай стоит в XXI в. [19]. Страна страдает от неравномерности развития: передовые производства сосредоточены в прибрежной зоне, а основная часть глубинных районов остается отсталой и бедной, что порождает социальную напряженность. Бременем для страны остается демографический рост. Страна, которой не хватает воды, сельскохозяйственных угодий и энергоресурсов, ежегодно должна находить место для 10–13 миллионов людей, перемещающихся из сельской местности в города, хотя и там средняя зарплата составляет всего 2% от уровня Соединенных Штатов. Ставшая вездесущей этикетка «Made in China» позволяет скрывать тот факт, что Китаю не принадлежит ни один из 5000 крупных брэндов, господствующих сегодня на мировом рынке, ни один финансовый институт, способный функционировать на международном уровне. Китайские руководители признают, что успех их деятельности зависит от интегрирования страны в мировую экономику. Однако тот рост, которого они добиваются, лишь усилит и без того огромные проблемы. 16 из 20 самых

загрязненных городов мира находятся в Китае. Почти 75% воды в стране слишком токсично, чтобы ее пить, а многие реки нельзя использовать для полива сельскохозяйственных культур. Налицо деградация почвы и истощение лесов, ведущие к засилью наводнений. Эта ситуация будет лишь ухудшаться, если китайцы запустят сотни своих работающих на угле электростанций и за предстоящие 15 лет в четыре раза увеличат количество автомашин в частном пользовании [17]. Подобные данные свидетельствуют о хрупкости и неоднозначности внутренней ситуации.

Китай в настоящее время находится на очень важном этапе перехода к новой стратегии развития – с большим учетом всех социальных проблем. Недаром эта стратегия называется «Стратегия пяти гармоний». Главное внимание уделяется быстрой либерализации экономики, но не политики. Данный факт помогает оправдывать существование однопартийной системы, конфигурируя достаточно парадоксальную ситуацию – динамичный экономический рост при сохранении авторитарной политической системы. Китайские лидеры между тем полагают, что смогут сохранить однопартийную систему даже в условиях динамичного экономического роста. В этой ситуации, впрочем, главный стратегический расчет Запада, в первую очередь Вашингтона, строится на том, что рано или поздно экономическое развитие Китая создаст предпосылки для политической демократизации и к власти в Пекине придет более стабильный режим, не столь склонный к глобальному соперничеству с США.

11. Китай: новые возможности и новые риски

Шаг за шагом Китай строит новую дипломатию, вернее, модифицирует свою внешнюю политику, приспособливая ее к меняющимся обстоятельствам и отказываясь от догматических представлений. Специалисты говорят сегодня о «новой зрелости» китайской внешней политики (датируя ее начало 2002–2003 гг.) с четким проявлением акцентов – усиление прагматизма, учет жизненных интересов страны, признание важности отношений с США [29]. В это русло вписываются также нормализация отношений с соседними государствами региона и активная дипломатия в Африке и Латинской Америке. «Китайская внешняя политика отличается сегодня гораздо большей осторожностью, чем это было во времена Мао» [18]. Несмотря на серьезность существующих в стране проблем, стремительно возрастающая роль Китая в сфере международных отношений, впечатляющий подъем экономики как важнейшая предпосылка последовательного, стабильного развития страны иллюстрируют реальность заявленного Китаем развертывания «периода больших стратегических возможностей», в котором, как сходятся во мнениях исследователи, ведущей тенденцией китайской внешней политики становится прагматизм, направленный на обеспечение национальных долгосрочных целей. С точки зрения общего баланса сил на мировой арене многочисленное и весьма образованное население Китая, его огромные рынки, а также растущая роль в мировой

экономике обещают миру со стороны набирающего международное влияние Китая как новые возможности, так и новые риски.

Примечания

¹ О динамике роста китайской экономики красноречиво свидетельствуют следующие данные: если в 1950 г. на Китай приходилось немногим более 3% мирового ВВП, в 1992 г. уже 10%, а по имеющимся прогнозам как западных, так и многих российских экспертов, к 2020 г. доля Китая достигнет показателя 20% мирового ВВП. На 2005 г. объем участия России в мировом ВВП составлял 2% (см. [19]).

² См. спецвыпуск журнала «Стратегия России» (2005, № 10), посвященный взаимоотношениям России и Китая [21].

Литература

1. Волохова А.А. Влияние глобализации на развивающиеся страны: представления в КНР // Китай в диалоге цивилизаций. М., 2004.
2. Воскресенский А. Китай в контексте глобального лидерства // <http://www.analitika.org/article.php?story=20060121011120211>.
3. Дмитриев М. Пируэты китайской политики США // Слово. 1999 г. 28 апреля.– <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=art&auth=7&theme=&id=1181>.
4. Замятин Д.Н. Политико-географические образы и геополитические картины мира (На примере Центральной Азии во второй половине XIX века) // Полис. 1996, № 6.
5. Киссинджер Г.А. Конфликт – это не дело // The International Herald Tribune. 2005 г. 9 июня.
6. Китай в мировой и региональной политике: история и современность. М., 2003.
7. Китай в мировой политике. М., 2001.
8. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию // <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/72887.htm>.
9. КНР 55 лет. Политика, экономика, культура. М., 2004.
10. Козырев В. Хронические конфликты и фактор Китая в АТР // Международные процессы. 2006, № 4 (публикация: <http://www.intertrends.ru/eleventh/005.htm>)
11. Корсун В.А. Внешняя политика Китая на пороге XXI века. М., 2002.
12. Лукин А. Эволюция образа Китая в России и российско-китайские отношения // Неприкосновенный запас. 2003, № 3 (публикация: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/29/lukin.html>)
13. Малащенко А. Китай, который мягко стелет // <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/media/74077.htm>.
14. Михеев В.В. Китай: современные внутренние и внешние угрозы, вызовы, риски и скрытые риски.
15. Новые известия, 2006 г. 23 марта.
16. Отношения с Китаем в долгосрочной перспективе // The Wall Street Journal. – 2006 г. 20 апреля – <http://www.rambler.ru/db/news/print.html?mid=7719955>
17. Проблемы богатства Китая // Newsweek, 2006 г. 29 августа (публикация: <http://www.rambler.ru/db/news/msg.html?mid=8571805&s=260004827>)

18. *Романо С.* Как Вашингтону удалось помирить Москву с Пекином // www.inopressa.ru/lesechos/2005/08/31/14:55:20/pekin.
19. Россия и Китай в XXI веке // http://www.beregrus.ru/artmon/txt/?news_id=221
20. *Свеишиков А.А.* Проблемы международной самоидентификации Китая в начале XXI века // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М., 2005.
21. Стратегия России, 2005, № 10 (публикация: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch.php?archive=1130138106&subaction=list-archive&)
22. *Титаренко М.* Китай и глобализация // Проблемы Дальнего Востока, 2003, № 6.
23. *Чжан Жудунь.* Анализ современной китайской мысли. Шанхай, декабрь 2001 г., № 1.
24. *Alterman J.B.* China rising // Middle East. Notes and Comment. 2005, № 5.
25. *Bremmer I.* The dragon awakes // The National Interest. 2005, summer.
26. *Brzezinski Z.* Clash of the Titans: Make Money, Not War // Foreign Policy. 2005, 27. January/February.
27. *Brzezinski Z.* No, la sfida e' solo economica e le Olimpiadi lo proveranno // Corriere della Sera, 2006, 2 gennaio (публикация: http://www.corriere.it/Primo Piano/Documento/2005/03_Marzo/15/index3.shtml)
28. *Fisichella D.* Știința politică: probleme, concepte, teorii. Iași, 2006.
29. *Ramonet I.* Mégapuisseance. Jusqu'ou ira la Chine? // Manière de voir. No. 85, 2006, février-mars.
30. *Shen Dingli.* Emergence d'une diplomatie active // Le Monde Diplomatique. 2004, octobre.
31. *Wallander C.A.* Russia's Relationship with China After September 11 // PONARS Policy Memo. 2002, No. 214.

Интернет-ресурсы:

32. <http://china-safety.com.cn/ANQIAN/2005-11/28/2005110002.htm>
33. http://russian.people.com.cn/200211/12/rus20021112_68162.html
34. http://www.auditorium.ru/books/273/Geopolitika_chapter14.html
35. <http://www.foreignpolicy.com/story/files/story2740.php>
36. http://www.auditorium.ru/books/273/Geopolitika_chapter14.html